

К ИСТОРИИ ВОПРОСА О ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Двести лет проблема греческой колонизации стоит перед западноевропейской наукой; ежегодно западноевропейские ученые в общих курсах, экзотических трактатах и специальных исследованиях определяют греческую колонизацию с чисто классовых позиций европейцев-колонизаторов. Может быть, беспомощность буржуазной исторической науки, примитивность ее исторических воззрений, эклектизм и грубая модернизация нигде не отразились так ярко, как в трактовке причин и поводов греческой колонизации. Не было ни одного буржуазного историка, который не оказался

бы на поводу у колониальной политики империалистических держав, который смог бы противопоставить этой политике свой смелый голос беспристрастного исследователя.

Отсюда интерес, возникший в последнее время в советской науке к проблемам древней колонизации, вполне своевременен. Назрела необходимость пересмотреть взгляды буржуазных ученых с точки зрения советской науки и наметить новые пути к исследованию сложной и трудной проблемы античной колонизации, проблемы, которая может быть окончательно решена лишь творческой силой коллектива советских историков и археологов.

Интерес к проблемам греческой колонизации возник во второй половине XVIII в. под непосредственным влиянием новой колониальной политики европейских государств. Особую злободневность колониальный вопрос приобретал во Франции и Англии, поскольку в XVIII в. именно эти государства являлись главными соперниками в борьбе за колониальную периферию. Поэтому пионерами по изучению греческой колонизации были как раз французы и англичане — барон Сен-Круа, мореплаватель и колонизатор Луи Бугенвилль, Дж. Симмондс и др.¹

Эти первые работы несут на себе еще яркую печать острых колониальных интересов современности. Так, например, одна из работ Бугенвилля, изданная в 1777 г. (во время открытой борьбы североамериканских колоний Англии за независимость), носит характерное название: «История колонизации свободных государств древности, примененная к современной борьбе между Великобританией и ее американскими колониями»².

Работа Сен-Круа, изданная в 1779 г., «О состоянии и судьбе колоний древних народов»³ обращена непосредственно к французам: «Вы заселили землю в целях обогащения, а теперь вы опустошаете ее, грабя ее обитателей...» В истории греческой колонизации Сен-Круа видел путь, по которому нужно идти французам: культурный народ древности умел укреплять связи с колониями и строить на колонизации свой экономический расцвет. Этому искусству древних должны теперь, по мнению автора, научиться и французы.

Однако наиболее полным и фундаментальным из этих ранних работ по истории греческой колонизации был, получивший широкую известность, 4-томный труд Рауль-Рошетта «Критическая история основания греческих колоний», 1814—1815⁴. Эта работа создавалась в период возвышения Наполеона, когда вновь ожили надежды на колониальную гегемонию, когда крах старых колониальных методов эксплуатации вызвал к жизни многочисленную литературу с рассуждениями о создании «колониального права». Таким образом, труд Рауль-Рошетта приобрел характер политической злободневности, несмотря на строго античную тематику.

Основными причинами греческой колонизации Рауль-Рошетт считал национальное честолюбие греков и их религиозную систему (стр. 2 сл. и 15). К этим основным причинам присоединялись и другие: избыток населения при малом плодородии земли и страх голода, кровная месть; побежденные в политической борьбе партии, скрывая позор, уходили за море. Колонизацией предотвращалась гражданская борьба. Одновременно колонизация создавала барьер, охранявший цивилизацию греков от окружавшего их мира варваров. И лишь затем были только осознаны и выгоды земледелия на плодородных полях колоний и выгоды торговли.

¹ Из немецких ученых о колонизации писал лишь известный филолог Chr. G. Heune, *De veterum coloniarum iure eiusque caussis. Opuscula academica*, т. I, Göttingen, 1785, стр. 292 сл.

² L. A. Bougainville, *History of the Colonisation of the Free States of Antiquity, applied to the present contest between G. B. and her American Colonies*, 1777.

³ [Saint-Croix], *De l'état et du sort des colonies des anciens peuples*, 1779 (работа вышла анонимно).

⁴ Raul-Rochette, *Histoire critique de l'établissement des colonies grecques*, I—IV, Paris, 1814—15.

Уже тогда Рауль-Рошетт выдвинул тезис о цивилизующей роли греческой колонизации, имевшей благотворное влияние на развитие человеческой культуры (стр. 16 сл.). Особое внимание он уделял вопросу конституции и религиозным связям метрополии с колонией, которые гарантировали постоянную верность колоний своим метрополиям. Там, где между метрополией и колонией не возникало таких прочных родственных связей, не было и верности (стр. 33).

Современные колонии — английские и португальские — не могут гарантировать верности, ибо это колонизация отщепенцев, деклассированных людей (таковы португальцы в Бразилии) или людей, пострадавших на родине за свои религиозные убеждения (таковы англичане в Северной Америке); поэтому в современной колонизации не возникает ни дружбы, ни родства колоний с метрополиями; даже всеобщее просвещение и изучение в метрополиях римского права не отражаются на судьбе современных колоний (стр. 27 сл.).

О французских методах колонизации автор умалчивает, но цель его работы ясна: на примере древней колонизации французы должны научиться обеспечивать себе верность приобретаемых колониальных владений.

Таким образом, здесь впервые отчетливо выступили те черты, которые до настоящего времени остались свойственными всем позднейшим буржуазным историческим работам.

I. Греческая колонизация и в дальнейшем рассматривается как этап, предшествующий европейской колонизации и качественно однородный с ней. Именно эта мысль об однородности отношений древних и новых колонистов проводится в работах Эд. Мейера, Белоха, Курциуса, Бузольта, Гарднера, Билябеля, Хадфельда, Белоха и др.

II. Греческая колонизация представляется в идеальном виде, как носитель прогресса и человеческой культуры. Особенно ярко была выражена эта точка зрения Курциусом, который считал колонизацию священной миссией греков, как служителей культа Аполлона¹.

Эта идеализация роли и значения греческой колонизации, при подчеркнутом сходстве ее с европейской колонизацией, выполняла свою политическую роль: оправдать колониальную экспансию капиталистических стран Европы.

Отсюда и трактовка причин греческой колонизации приобретала политический интерес. Важнейшим фактором греческой колонизации является малоземельность и избыток населения. Уже Рауль-Рошетт нарисовал страшную картину, как греки убивали своих детей, устанавливали нормы деторождения и принуждали беременных женщины к выкидышам: «Я чувствую, — цитирует он слова Монтескье, — ужасающий стыд, произнося это». Единственным спасением явилась колонизация.

До сих пор эта причина в подавляющем большинстве случаев и с теми же примерами считается основой основ колонизации. При этом вопросы классовой борьбы в греческих городах или отступают на второй план, или рассматриваются как следствие колонизации.

Далее — в ряде работ основной причиной колонизации считается торговая экспансия, вызванная развитием греческого мореплавания. Эд. Мейер, например, утверждает, что греческие мореходы открыли новые земли и это открытие вызвало такой же поток колонистов, как и открытие Нового Света, и так же, как при колонизации европейской, здесь преобладали торгово-морские интересы, а не земледельческие². Копенция Эд. Мейера встречала возражения ряда ученых, и в первую очередь Белоха,

¹ E. Curtius, Die Griechen als Meister d. Colonisation, Brl., 1883, стр. 6—7; он же. Die Griechen in Diaspora, SB Preuss. Akad. d. Wiss. XLIII [1882], стр. 953; ср. также S. P. Lampros, De conditoribus coloniarum Graecarum, Lpz., 1873, стр. 10 сл.

² Ed. Meyer, GdA, II, 440; R. Pöhlmann, Grundriss d. Griech. Gesch., 1908, стр. 47 (то же повторено и в 5-м издании, 1914 г.).

который считал, что торговая экспансия была лишь следствием первоначальной, аграрной экспансии¹.

Вопросы классовой борьбы в греческих полисах обычно или совсем не учитываются, либо оттеснены на второй план, либо представлены как следствие колонизации; ср., например, порядок перечисления причин колонизации у Бузольта (*Gr. Staatsk.*, I, 1920, стр. 174).

Классовая борьба дается, как одна из дополнительных причин, наряду с социальным режимом знати, тираниями и войнами, причем все эти моменты даны как отдельные причины, не связанные с классовой борьбой. Основной причиной, однако, является перенаселение, выступающее как абсолютный фактор, не связанный с классовой борьбой, которая приводит к земельному обогащению одних и к обезземелению других.

Эд. Мейер (там же, стр. 433) считает, что классовая борьба в Греции возникает лишь как следствие торговой колонизации, когда были нарушены старые патриархальные отношения между знатью и крестьянами, которые, подобно французам после французской революции, превратились в результате колонизации в своего рода *tiers état!* (Ср. там же, стр. 555).

Ср. и работу А. А. Тревер, *The intimate Relation between economic and political Conditions in History, as illustrated in ancient Megara*, «*Classical Philology*», XX, (1925), Chicago, стр. 18. Автор, следуя Глотцу, лишь заостряет его высказывания. Основной причиной колонизации были «избыток населения и нужда в лучшей пахотной земле... Конечно, к земельному голоду присоединился ряд причин, действовавших с самого начала,— желание торговли и дух приключений. Политическая и социальная борьба была, однако, более поздним фактором».

Такова та общепризнанная схема, которая прочно утвердилась в трудах западноевропейских историков Греции. За 130 лет после выхода книги Рауль-Рошетта к перечислению причин греческой колонизации, по существу, не было прибавлено ничего нового. Совершенствовалась техника научной работы, развивался аппарат критики источников, к литературным источникам присоединялись эпиграфические, но оставались незатронутыми и апологии колонизации, и два ее неизбежных столпа: перенаселение при малоземельности и торговая экспансия, связанная с развитием мореходства (либо как начало, либо как следствие).

Откуда же взялась эта версия о чрезмерной плотности греческого населения в IX—VIII вв. до н. э.? Уже Гиро высказывал сомнения в этом и пытался найти выход в утверждении, что не перенаселение, но нераздельность родовой земельной собственности была причиной недостатка земли и поэтому только люди, добровольно или насильственно порвавшие эту связь, отправлялись в далекие края².

Тутэн возражал против взгляда Гиро, ссылаясь на картину раздробления земельных владений в «Трудах и днях» Гесиода. Однако и Тутэн сомневался в правдивости утверждений об избытке населения в Греции³.

Откуда же черпают свои сведения сторонники этой теории? Обычна ссылка на законы Фидона VII в. до н. э. (*Agist.*, Pol., II, 3, 7), согласно которым количество земельных наделов должно оставаться равным числу граждан, т. е. на закон, устанавливающий норму деторождения. Однако при этом забывают, что для той же цели сохранения земельных наделов Филолай установил закон о праве усыновления (*Agist.*, Pol., II, 9, 7)⁴.

¹ Belosch, *Gr. Gesch.* I², 1912, стр. 231.

² P. Guiraud, *La propriété foncière en Grèce*, 1893, стр. 81 сл.

³ J. Toutain, *L'économie antique*, 1927, стр. 32 сл.

⁴ У Аристотеля речь идет не столько об избытке естественно возрастающего населения, сколько о предотвращении возможности безнаследных клеров, с одной

Ссылаются на спартанский обычай убивать с л а б ы х детей вскоре после их рождения¹. Однако одновременно тому же Ликургу приписывался закон о льготах семье, давшей государству трех с и л ь н ы х и з д о р о в ы х сыновей (Arist., Pol., II, 6, 13). Мы могли бы привести ряд аналогичных законов, направленных к обеспечению деторождения, и в других государствах.

Кроме того, в науке еще ни разу не был поставлен вопрос: даже в том случае, если бы действительно в ряде государств и существовали попытки установить норму деторождения, то можно ли отсюда заключить, что этой норме были одинаково подчинены и малоземельный бедняк и землевладельческая родовая знать?

Этот примитивный закон свидетельствует лишь о стремлении сохранить гибнущую систему старых аграрных отношений, сохранить исчезающее равенство земельных наделов — усыновлением, когда детей нет, предотвращением дробления клера, когда наследников больше, чем земли у данного землевладельца. Эти законы говорят о росте земельного неравенства, а не об избытке населения; Аристотель как раз и подчеркивает этот момент, указывая, что территория Лакедемона, «которая в состоянии прокормить 1500 всадников и 30 000 тяжело вооруженных воинов, не могла выставить и тысячи их» (Arist., Pol., II, 6, 11). Избыток населения никогда и нигде не является первопричиной; он нужен для о п р а в д а н и я в одном случае колониальных захватов, в другом случае — агрессивных войн.

Согласно теории крупных представителей буржуазной науки Эд. Мейера и Белоха (с ними полностью соглашается и фашист Берве) история Греции представляет собой историю постоянного перенаселения; как правильно подчеркивает Болькештейн², в данном случае перенаселение выступает как а б с о л ю т н ы й ф а к т о р, равно свойственный всем периодам греческой истории, начиная с Микен и кончая эллинизмом. При этом Болькештейн проследил и основу аргументации: Эд. Мейер отсылает за аргументацией к Белоху, а Белох — к М а л ь т у с у, к той работе последнего (An Essay of the Principle of Population, 1-е изд., 1798), классовая сущность которой была блестяще разоблачена К. Марксом:

«Было гораздо удобнее,— писал Маркс,— гораздо более соответствовало интересам господствующих классов, которым Мальтус воскурял фимиам с чисто попов-

стороны, и слишком большого количества наследников на один и тот же клер, — с другой. Закон Фидона, приведенный Аристотелем, направлен к сохранению status quo в земельных отношениях и к предотвращению не только дробления земельных клеров, но и их концентрации. В этих же целях сохранения наделов существовал закон о праве усыновления. По существу законы Фидона и Филолая представляют собой два пункта одного закона: в случае многодетности бедняка устанавливается норма деторождения, в случае его бездетности — право усыновления. И то и другое требуется для сохранения старых земельных отношений, ибо, как заключает Аристотель, $\tau\eta\ \pi\rho\omega\tau\eta\ \sigma\tau\alpha\sigma\iota\ \epsilon\lambda\theta\omega\sigma\eta\ \kappa\alpha\iota\ \chi\alpha\lambda\omega\sigma\upsilon\tau\alpha\iota$.

¹ Ср. Velosch, Gr. Gesch., I, 1², стр. 230 и прим. Говоря о подкинутых детях, он отсылает читателя за примерами к книге G. Glotz'a, Etudes sociales et juridiques sur l'Antiquité Grecque, Paris, 1906, стр. 187 сл. Но основным материалом о «подкидышах» для Глотца служат афинские и римские трагедии, комедии, речи ораторов IV в. до н. э., Плутарх и Стобей. Поэтому не вполне ясно, на каком основании можно весь этот материал относить к п р е д к о л о н и з а ц и о н н ы м временам, когда плотность населения должна была быть гораздо меньшей.

Ссылка на требование Гесиода иметь не более одного сына, во-первых, относится к Беотии, не принимавшей участия в колонизации, а кроме того, свидетельствует все о том же стремлении сохранить существующие аграрные отношения в условиях разветвляющейся классовой борьбы.

² Н. Volkestein, Zur Entstehung der «ionischen» Phylen, «Klio», XII, H. 3/4, (1913), стр. 435 сл.

ским усердием, объяснять это «перенаселение» вечными законами природы, а не исключительно естественными законами капиталистического производства»¹.

Правда, в одной из статей² Маркса сказано: «В древних государствах, в Греция и Риме, принудительная эмиграция, принимавшая форму периодического устройства колоний, составляла постоянное звено в общественной цепи. Вся система этих государств была построена на определенном ограничении количества народонаселения, которого нельзя было превысить, не подвергая опасности самого существования античной цивилизации. Но почему это так было? Потому, что им было совершенно неизвестно применение естественных наук к материальному производству. Только оставаясь в небольшом числе, они могли сохранить свою цивилизацию. В противном случае они стали бы жертвами того тяжелого физического труда, который тогда свободного гражданина превращал в раба. Недостаточное развитие производительных сил ставило граждан в зависимость от определенного количественного соотношения, которого нельзя было нарушать. Поэтому единственным выходом из положения была принудительная эмиграция».

Однако, с нашей точки зрения, это замечание Маркса и Энгельса о «принудительной эмиграции» в древности нельзя рассматривать как согласие с теорией абсолютного перенаселения. Из самого объяснения термина «принудительной эмиграции» как эмиграции, вызванной ростом крупного землевладения и концентрации земельной собственности, уже ясно, что Маркс и Энгельс считали одной из причин древней колонизации не абсолютное, но относительно перенаселение, т. е. сохранение той численной нормы коллектива частных собственников (ср. «Немецк. идеология»)³, отношения собственности которых не угрожают распаду полиса.

Уже в 1844 г. Энгельс в статье «Очерки критики политической экономии»⁴, выступая с критикой теории абсолютного перенаселения Мальтуса, блестяще доказал, что всякий взрослый человек может производить больше, чем потребляет; последовательно развивая теорию Мальтуса, говорит Энгельс, мы должны были бы признать, что «земля уже была перенаселена, когда существовал только один человек»⁵ (разрядка Энгельса).

Вся теория абсолютного перенаселения зиждется, как это доказал Маркс, на желании увековечить человеческое и е р а в е н с т в о как естественную, природную, от бога данную, категорию⁶. Отсюда же возникло и бессмысленное утверждение об особенно быстром размножении бедноты⁷.

Беспощадно разоблачая эту вульгарную апологетику капитализма, Маркс пишет: «Всякому особенному историческому способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер (разрядка моя) законы «населения». Рабовладельческий полис, вынужденный перед лицом рабов сохранять эту «естественно возникшую форму ассоциации»⁸, не мог бы существовать и развиваться в условиях резких имущественных контрастов.

Поэтому-то всякому греческому полису свойственна политика внутреннего компромисса, основанного на борьбе за сохранение крешкой с р е д н е й имущественной прослойки. Причина этого — неразвитость производительных сил античного общества, неразвитость, которая несовместима с наличием абсолютного избытка населения⁹.

Таким образом, полисная форма древнегреческого общества теснейшим образом

¹ К. Маркс, Капитал, т. I; Маркс и Энгельс, т. XVII, стр. 577, прим. 15.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 278.

³ Там же, т. IV, стр. 12.

⁴ Там же, т. II, стр. 293 сл.

⁵ Там же, стр. 313.

⁶ Там же, т. XVII, стр. 691 сл.

⁷ Ср. там же, стр. 706—707, прим. 87.

⁸ Там же, т. IV, стр. 12.

связана со своим особенным, имеющим исторический характер, законом населения.

К сожалению, этот важнейший вопрос о «законе населения», свойственном античному обществу, в нашей советской науке еще даже и не поставлен.

Итак, в условиях греческой полисной жизни избыток населения — результат роста имущественного и социального неравенства, и в первую очередь роста неравенства земельного, что угрожало политической целостности греческого полисного государства. И если речь идет о том, что в том или другом греческом полисе был налицо и з б ы т о к населения, то, следовательно, мы имеем здесь дело с концентрацией земли в руках немногих землевладельческих семей (Arist., Ath. Pol., 2).

На внутренней истории ранних Афин, еще не захваченных ни колонизацией, ни развитием морской торговли, мы как раз наблюдаем этот процесс: концентрация земель в руках родовой знати, обезземеление и долговая кабала бедноты и продажа детей, а иногда и отцов в рабство на чужбину.

Это процесс формирования рабовладельческого полиса, а первым этапом этого процесса всегда являлась долговая кабала и рабство-должничество. В античных государствах этот процесс одновременно сопровождался и постепенным ростом количества привозных рабов, в силу чего и мог в отдельных случаях, когда это соответствовало экономической выгоде рабовладельцев, появляться избыток, но не населения вообще, а и з б ы т о к лю д е й, о с т а в ш и х с я б е з з е м л и и, ввиду незначительного развития ремесла, без работы.

Такова первая существенная поправка к построениям западноевропейских ученых.

В вопросе о торговом характере колонизации мы встречаемся с двумя основными концепциями:

I. Первоначально колонизация носила аграрный характер, и лишь впоследствии греки поняли ее торговые выгоды¹.

II. Колонизация, также вызванная перенаселением, с самого начала была торгово-морской колонизацией, и лишь постепенно греки-колонисты вращались в землю².

Сторонники и тех и других взглядов согласны в основном: колонизация греков оказывала большое культурное влияние на народы, втянутые в орбиту колонизации, причем влияние это было греческим, односторонним влиянием; положение и историческое развитие племен и народов, среди которых появлялись греки, таким образом, совершенно игнорируются.

Из сказанного видно, что вопрос о колонизации решается грубо схематично с учетом только греческого элемента и, главным образом, на основе литературных и эпиграфических источников. Многие страницы трактуют о взаимоотношениях греков с финикийцами, причем греки (повидимому, в качестве европейцев!) пользуются обычно большей симпатией, чем варвары-финикийцы. Мы узнаем, например, о том, что греки, отесняя финикийцев все далее на запад и перехватывая у них торговые пути, оказали огромную услугу европейской цивилизации; дело в том, что финикийцы были жадны и корыстолюбивы; в значительной степени в силу стремления

¹ Исходя из разных предпосылок, на этой точке зрения стоят: P. Guiraud, ук. соч., стр. 81 сл.; J. Hatzfeld, Hist. de la Grèce ancienne, 1926, стр. 54; J. В. Вигу, A History of Greece, 1902, 1,89; K. J. Велосх, ук. соч., стр. 230 сл.; A. Jardé, The formation of the greek People, 1926, стр. 178 сл.; J. Насельроек, Staat und Handel im alten Griechenland, 1928, стр. 114; он же, Griech. Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit, 1931, стр. 109; H. Мисхелл, The economics of ancient Greece, 1940, стр. 224. G. Глотц, Hist. Grecque, I, 1925, стр. 155 сл., занимает несколько другую позицию: наряду с чисто земельной колонизацией он допускает фактория бродяг и пиратов, весьма произвольно трактует с этой точки зрения Сиракузы, Кирены и значительную часть черноморских колоний.

² Ed. Meuer, там же; J. Toutain, ук. соч.; F. Lüders, Die Kolonien der Rhodier «Ztschr. f. Altertumswiss.», X, 4(1852), стр. 289.

своего к наживе они населяли Средиземное море таинственными чудовищами и окружили морские путешествия ореолом страшной тайны; болтливость греков, не умевших держать язык за зубами, дала мировой культуре первые точные географические познания. «Подверженный слабости, противоположной корыстному молчанию финикийцев, болтливый грек был всегда готов описывать свою удаль и рассказывать даже о том, чего не было... Этому любопытству обязан прогресс географических знаний...» и т. д.¹ Совершенно очевидно, что в подобных рассуждениях нет и элемента научного исследования.

Если в работах второй половины XIX в. мы обычно имели все же попытки серьезной трактовки ряда вопросов истории Греции, то в работах наших буржуазных современников мы сплошь и рядом встречаемся с небрежностью, с общими фразами вместо научного исследования. Если раньше ученые (Эд. Мейер, Белох, Пельман), хотя и сильно модернизируя, выдвигали все же на первый план экономический фактор в развитии античного мира, то теперь налицо попытки отодвинуть экономический момент на второй план. Так, английский историк Бари утверждает: «Причину греческой колонизации нельзя найти в простых торговых интересах... Она удовлетворяла другие нужды, а не желание торговой выгоды. Она была выражением духа приключений...»²

Явный отзвук этого же взгляда мы находим в одной из последних работ Мичелла. Он начинает свою работу «Экономика древней Греции»³ ссылкой на дешевенский и не блестящий новизной афоризм одного английского вульгарного экономиста: «Трудно и даже невозможно объяснить прошедшее, так же как и предвидеть будущее». Сам автор полностью разделяет этот пессимизм, заявляя, что мы не можем понять «ход столетий» и все наше знание недостоверно. Миграцию греков на острова Эгейского моря и побережье Малой Азии он, подобно Бари, объясняет «духом приключений, неутомностью греков, страстно желавших видеть новые края».

Характерны для современной науки на Западе и труды Хазебрека, в которых автор, совершенно искажая историю Греции, между прочим утверждает, что все греческие колонии VIII—VII вв. были не торговыми колониями, но свободными объединениями искателей приключений. Рост населения и неравномерное распределение земли вынудило их искать счастья за морем. Только случайно, вследствие своего географического положения, эти колонии приобретают впоследствии торговое значение⁴.

Мичелл, находясь под явным влиянием Хазебрека, развивает его идеи до логического абсурда, утверждая, что «греки ненавидели море и никогда не забывали, что они пришли из внутриматериковых жилищ травянистых степей»⁵.

Выдвижение на первый план географического фактора и любви греков к приключениям, характерное в последних по времени работах, свидетельствует не только о явном падении научной мысли на Западе; здесь, как мне кажется, налицо скрытая тенденция подвести новую базу под современную колониальную политику.

Если — при стертых качественных гранях древнего и нового мира, древней и современной колонизации — свести всю греческую колонизацию к географии и к лобознательности греческих «культуртрегеров», то станет возможно снять со счетов экономическую заинтересованность метрополий в колониях; становится возможным выдвинуть на первый план благородство расы белых колонизаторов, бескорыстно помогающих культурному росту колонизируемых народов.

И действительно, эти ноты уже ясно звучат в работах наших буржуазных современников. «Долгое время, — пишет Жарде, — европейцы рассматривали туземцев только

¹ A. Jardé, ук. соч., стр. 173—174.

² J. Вигу, ук. соч., 2-е изд., 1924, стр. 86.

³ H. Mitchell, ук. соч., стр. 1.

⁴ J. Hasebroek, Staat u. Handel..., стр. 114—115; он же, Griech. Wirtschaft, u. Gesellsch. Gesch., стр. 110—111, 145 сл.

⁵ H. Mitchell, цит. соч., стр. 5—6.

как необходимый источник работы и плохо обращались с ними, но теперь они пытаются цивилизовать их и даже, в некоторых случаях, приравнять их к колонистам из страны-матери»¹.

«Семейный режим примитивной Греции,— пишет Хацфельд,— объясняет греческую колонизацию так же, как и принцип права первородства объясняет английскую и французскую колонизацию XVII и XVIII вв.»².

«Недостаточно того,— пишет Билабель,— что ионийские города Малой Азии создали значительную культуру, но они и распространили ее на большую часть известного тогда мира. От далекого северо-востока до столпов Геракла и древней страны культуры Египта и даже вплоть до Аравии основывали они свои колонии. Поистине достойно удивления деяние этих испанцев и англичан древности»³.

Нужно сказать, что в XIX в. ученые были гораздо откровеннее, чем теперь. Так, например, Людвиг Росс, после путешествия по местам поселений древних народов Малой Азии, призывал Германию колонизовать Малую Азию, вернув ее тем самым к «расцвету» былых времен. «Право европейских народов на такую колонизацию,— писал Росс,— то же самое, которое и раньше, со времен колоний финикийцев, греков и римлян, было единым правом на колонии: хорошее право сильного. Тот народ, который признает за собой физическое или моральное превосходство вследствие численности или культуры, или по обоим причинам вместе, обосновывается у физически и морально более слабого народа или над ним, и если последний не хочет добровольно уступить или подчиниться, то его принуждают силой. Это — право колоний...»⁴

Таким образом, ознакомление с основными концепциями о древней колонизации в трудах буржуазных ученых приводит нас к выводу, что история греческой колонизации VIII—VI вв. до н. э. еще не написана и все основные проблемы остаются неразрешенными.

Более того, мы приходим к выводу, что решение этой проблемы и не начиналось. Об этом красноречиво свидетельствует пренебрежение археологией, свойственное всем перечисленным историкам.

В своем «Введении в изучение греческой торговли с Италией, Сицилией и Францией в VIII и VII вв. до н. э.» Алан Бляквей справедливо заключает свою статью следующими словами:

«Я назвал эту статью «Введением»... Моя цель была показать, что настоящее исследование греческой торговли, если не греческой экономической истории, не будет написано до тех пор, пока историки не отнесутся с полным и тщательным вниманием к археологическим показаниям. Я могу рассматривать лишь как несчастье, что имеется явно растущая тенденция среди определенной школы историков Греции не только просто пренебрегать греческой археологией, но даже отрицать за ней какую-либо историческую ценность»⁵.

И действительно, хотя некоторые историки любезно расшаркиваются перед археологией, но фактически не знают ни археологии, ни археологической литературы.

А между тем без серьезного знакомства с археологическим материалом нельзя решить не только проблемы греческой колонизации, но и многих других проблем греческой истории. И не случайно поэтому серьезную работу по исследованию вопросов колонизации начали археологи и, что я считаю нужным особенно подчеркнуть, археологи и ученые Советского Союза.

¹ A. J a r d é, цит. соч., стр. 175.

² J. H a t z f e l d, ук. соч., стр. 54.

³ J. B i l a b e l, Ionische Colonisation, Philologue, Spplb., XIV, 1920, стр. 2.

⁴ L. R o s s, Kleinasien und Deutschland, Halle, 1850, стр. 181.

⁵ A. B l a k e w a y, Prolegomena to the Study of Greek Commerce with Italy, Sicily and France in the VIII th and VII th Centuries B. C., BSA, XXXIII (1932—33), стр. 208.

Работы академика Н. Я. Марра¹, академика С. А. Жебелева², работы А. Н. Зографа³, Т. Н. Книпович⁴ и А. А. Иессена⁵, посвященные в основном истории Северного Причерноморья, выдвинули впервые в науке ряд новых положений, существенно важных и для новой постановки вопроса о греческой колонизации всего этого периода.

Во-первых, может считаться твердо установленным, что периоду собственно греческой колонизации предшествовал длительный доколониальный период сношений греков с Причерноморьем. Такой же длительный предколониальный период устанавливается сейчас и для западных колоний греков — в Сицилии и Италии.

Во-вторых, что является особенно важным, греческие колонии могли возникнуть лишь тогда, когда местные племена, на территории которых возникали колонии, достигли уже соответствующей интересам в а и м н о г о о б м е н а стадии общественного развития.

В-третьих, колонизация греков являлась, таким образом, сложным д в у с т о р о н н и м процессом, обусловленным определенным соотношением торгового и промышленного развития как греков, так и туземных племен. Это положение впервые было отчетливо сформулировано акад. С. А. Жебелевым: Боспор, Херсонес и Ольвия «без тесных связей с туземным населением не могли бы существовать, поскольку они были зависимы от него в значительной степени по всем направлениям своей экономической жизни»⁶.

В-четвертых, вопрос о культурном влиянии греков на местные племена, об их опять-таки односторонней цивилизующей роли должен быть коренным образом пересмотрен. Это положение со всей четкостью было выдвинуто акад. Н. Я. Марром: «Творческий процесс — не от внешних явлений, а от внутренней работы накапливающихся материальных сил в процессе их диалектического развития»⁷.

И, наконец, в-пятых, греческие колонии возникали на древнейших трассах торговых путей, проложенных племенами и народами, может быть, за тысячелетия до греков⁸.

Совершенно ясно, что, обращаясь вновь к вопросам греческой колонизации, после этих выводов мы не можем уже с ловкостью фокусника оперировать той или иной цитатой Геродота, Фукидида, Сенеки или Цицерона, чтобы самым сразу отмахнуться, спрятавшись за древний авторитет, от подлинного исследования данной проблемы.

Уже и раньше советские ученые рассматривали греческую колонизацию VIII—VII вв. до н. э. как результат «усиления имущественного неравенства и обострения классовой борьбы» в условиях развития родовых отношений и развития рабовладения⁹. Уже и раньше советские ученые не принимали теории перенаселения как

¹ Н. Я. Марр, Яфетический Кавказ и третий этнический элемент. «Избр. работы», т. I, стр. 105; Значение и роль изучения нацменьшинств в краеведении, там же, стр. 242; Скифский язык, там же, т. V, стр. 191 сл.; Из переживаний доисторического населения Европы, там же, т. V, стр. 321—22.

² С. А. Жебелев, Счастливые города, «Изв. ГАИМК», вып. 100 (1933); о н ж е, Боспорские этюды, там же, вып. 104 (1934), стр. 7 сл.; о н ж е, Народы Северного Причерноморья в античную эпоху, ВДИ, 1938, № 1/2.

³ А. Н. Зограф, Древний город Тира-Белгород-Аккерман, КС ИИМК, VIII (1940), стр. 63 сл.; о н ж е, Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье, СА, VII (1941), стр. 152 сл.

⁴ Т. Н. Книпович, К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII—VI вв. до н. э., «Изв. ГАИМК», вып. 105 (1934), стр. 90 сл.

⁵ А. А. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947.

⁶ С. А. Жебелев, Народы Сев. Причерноморья..., стр. 161.

⁷ Н. Я. Марр, Яфетический Кавказ и третий этнический элемент, стр. 105.

⁸ А. А. Иессен, ук. соч., стр. 14 сл.

⁹ В. С. Сергеев, История древней Греции, Москва, 1939, стр. 68—69.

абсолютного и постоянно действующего фактора на всем протяжении греко-римской истории.

Однако и у советских историков греческая колонизация большей частью рассматривалась односторонне, «только с точки зрения истории Греции, греческих племен и греческой культуры»¹. Этот упрек, сделанный А. А. Иессеном историкам, изучавшим колонизацию Северного Причерноморья, в полной мере должны принять на себя и историки, касавшиеся в своих работах общих проблем, связанных с греческой колонизацией.

Греческая колонизация могла возникнуть лишь на базе длительного периода доколониционных сношений, которые в значительной мере были унаследованы греками еще с микенского времени. Самое направление греческой колонизации шло по уже известным и установленным задолго до греков путям и было вызвано не случайным открытием наличия «некультурных прибрежных народов, мало способных к сопротивлению», как это утверждает Эд. Мейер, но наличием туземцев, уже и ранее вступавших в обмен с греческими и догреческими купцами и заинтересованных в этом обмене.

Греческая колонизация, явившаяся следствием возникновения полисной жизни с зависимостью этого полиса от периферии, поставляющей рабов, должна быть изучена в тесной связи с вопросом о греческом полисе; в связи с вопросом о полисе может и должен быть поставлен вопрос о «законе населения» античного общества, о чем говорилось уже выше.

Только совместным трудом историки и археологи Советского Союза могут разрешить эту проблему, противопоставив подлинно-научный и всесторонний анализ причин и форм греческой колонизации фальсификации этого процесса буржуазной наукой

К. М. Колобова